

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ЛАНЫ БАРСУКОВОЙ:

Любовь анфас

Счастливые неудачники

Сочини мою жизнь

Счастье ходит босиком

Любовь и выборы

Судьбы водят хоровод

Ничего, кроме личного

Лана Барсукова

Любовь
анфас

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

Иллюстрация на переплете *Анжелы Джерих*

Редактор серии *В. Горюнова*

2-е издание, дополненное и переработанное

Барсукова, Лана.

Б26 **Любовь анфас / Лана Барсукова.** — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-155506-1

Кто-то ищет любовь во Всемирной паутине, а кто-то в заброшенной деревне. Кто-то ради любви колесит по земному шару, а кто-то готов променять большие города на маленький остров. Где бы ни происходило действие, читатель неожиданно узнает себя, своих соседей, знакомых, родных.

Обаяние текста, острая наблюдательность, ирония и неповторимый юмор остаются с вами надолго после того, как перевернута последняя страница. Современные, умные, ироничные женщины, а возможно, и их мужья, друзья и любовники с удовольствием будут читать и перечитывать эти истории.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Барсукова С., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-155506-1

ТРОЕ НА ОКТРОБЕ

Рябиновые бусы

«**Н**адо на потолке нарисовать хоть что-нибудь, хоть фигу», — подумала Леся, открыв глаза в очередное утро. Слишком это невыносимо: каждый день открывать глаза и видеть перед собой одну и ту же сероватую простыню давно не крашеного потолка. Ровную, серую простыню, подпираемую стенами панельной хрущевки. Потолок был низковат, он как будто напалзал на глаза. Хотелось встать, как кариатида, напячь молодое и сильное тело, упереться руками и отодвинуть этот потолок дальше, выше — с глаз долой. Но это сначала хотелось. А потом то ли тело выдохлось, то ли она привыкла к потолку, как привыкают к бельму в глазу, но все, что хотелось теперь — нарисовать на этом серо-белом фоне хоть что-нибудь. Пусть даже фигу. Чтобы утром, открыв глаза, испытать на долю секунды удивление, замешательство: где это я? Неужели в новом месте? Хоть на миг обмануть себя возможностью перемен.

А перемен на горизонте не предвиделось. Это Леся знала наверняка. Знала, шлепая в ванную, что сейчас вода, прежде чем политься тугой струей, дважды плюнет в нее накопившимся за ночь воз-

Лана Барсукова

духом. Знала, что чайник исполнит ежеутреннюю арию истеричной дамы, которая от безобидного ворчания переходит на высокие громкие ноты и, наконец, бурлит возмущением и выпускает пар. Знала, что в холодильнике ее ждет стандартный набор под названием «завтрак одинокой женщины». Недорогое и полезное для фигуры — йогурт, творог и прочее молочное уныние. Как будто ее фигура кому-то нужна.

Леся шла к своему сорокалетию в минорном состоянии духа. Вообще-то до этой даты оставалось еще пять лет, но Леся специально сгущала трагизм, заранее примериваясь к пугающей цифре. Единственный вопрос, который ее интересовал, был обращен не в будущее, а в прошлое: где она ошиблась, что сделала не так? На каком повороте скрылось из глаз счастье, о котором столько мечталось в юности? Леся определяла свое положение наотмашь, не жалея себя: «Я проиграла свою жизнь».

Но даже проигравшему надо, переждав плевки крана, умыться, заварить чай и сделать выбор между йогуртом и творогом. И пойти на работу. Потому что одиночество в толпе не так пасмурно, как под серым потолком хрущевки.

Потом пробежка на каблуках до метро. Как будто ее каблуки кому-то нужны. Трясучка в метро с бдительным осмотром попутного контингента. Нет, таким не нужны ни каблуки, ни фигура. Можно сползти на кеды и есть по утрам эклеры с жирным содержимым неопознанной природы. Никто не заметит разницу. Уткнулись в планшеты, прилипли к экранам смартфонов, как будто это пу-

Рябиновые бусы

повина, связывающая их с миром. А рядом она, ожидающая внимания, с животом, впалым от творага.

Хотя нет, вот один явно посмотрел, да еще так прицельно, неотрывно. Потом отвел взгляд. Снова посмотрел. Леся подтянула фигуру, став еще стройнее. Резервы-то всегда есть. Снова отвел взгляд. Леся приободрилась, даже порозовела слегка. Тут он посмотрел вверх, целясь явно выше Лесиной головы, и вдруг ухнул взглядом вниз, на ее туфли. Хорошие туфли, пусть смотрит, она их недавно купила на распродаже. И опять выше головы. Нет, опять на туфли. «Чокнутый ухажер попался», — игриво подумалось Лесе. Ухажер снова открыто глянул на Лесю. Неотрывный и равнодушный, ничего не выражающий взгляд. И тут ее осенило, все встало на свои места: «Да это же гимнастика для глаз! Он меня точкой в пространстве выбрал». Леся съежилась от унижения, выпрыгнула на ближайшей станции и прошла сквозь толпу, как ледокол, грубо задевая локтями и боками пассажиров подземки. Будто вымещала на них обиду за то, что она лишь объект в гимнастике для глаз. Это было ее хамское доказательство того, что она целое тело, упругое и жесткое, а не какая-то там точка.

Наконец-то она добралась до своего института. Это был один из никому не нужных академических институтов социально-гуманитарного профиля, оправдывающих свое существование тем, что и вреда от них тоже немного. Леся была старшим научным сотрудником с окладом, которого хватало на распродажные туфли и ненавистный твораг. Старики получают пенсию по старости, а научные

Лана Барсукова

сотрудники имеют пенсию по молодости, конспиративно называемую заработной платой. И ради этого Леся когда-то защищала диссертацию, писала нудные научные тексты, читала бессвязные наборы слов странных авторов, назначенных в гении общественным мнением.

Помимо зарплаты научные сотрудники промышляли грантами, то есть получали дополнительные деньги от разных фондов под собственные инициативные проекты. Леся делала это несколько удачнее других. Потому что иностранное слово «грант» переводится на русский язык как подарок, хоть и закамуфлированный под конкурс. А одаривают понравившихся. Лесины тексты нравились своей доходчивостью, логичностью и лаконичностью. Но большинство государственных фондов давали крошечные гранты, за что Леся называла их научными собесами.

Но вот наконец-то создали новый фонд, который не мелочился, нарезал гранты крупными ломтями. Леся прицелилась на него и решила уточнить кой-какие технические детали. На сайте фонда был единственный телефон. Автоответчик голосом хорошо откормленного аппаратного работника сообщил: «Вы позвонили в научный фонд. Если вы знаете телефон интересующего вас отдела, воспользуйтесь им». И все, дальше — гудки. Леся набирала телефон несколько раз, наслаждаясь изяществом, с каким ей давали понять, что она в число посвященных не входит. И гранты на нее, стало быть, не рассчитаны.

Леся пережила несколько стадий своего романа с работой. Сначала она ее обожала, почти боготворила, искала признаки взаимности, старатель-

Рябиновые бусы

но собирала журналы с собственными статьями. Потом, разочаровавшись в науке, к работе охладела и продолжала жить с ней, как с мужем, с которым просто лень оформить развод. Наконец, она ее возненавидела, возложив вину за незадавшуюся личную жизнь на библиотечную пыль, на скуку бесконечных заседаний, на блеклость научных будней.

Основной причиной такого охлаждения было чувство обиды за то, что ее недооценили, не воздали должного. Научные премии, звания пролетали мимо нее и доставались тем, кого Леся считала посредственностью. Протест против такой вселенской несправедливости носил комичные формы. Монографии бездарей мстительно складировались в туалете или шли на растопку мангала. Не обошлось и без самоуничижения. Коллекция журналов с собственными статьями стала использоваться по хозяйству как пресс, когда нужно было что-то прижать, придавить, подпереть.

Свою карьеру в институте Леся называла «броском в науку». Как будто она оторвала от жизни увесистый кусок, самый сочный и свежий, и бросила его в никуда. Целилась в науку, а попала в ее жалкое подобие. Энтузиазм коллег рождал в ней сомнение в их умственной полноценности. Обшарпанные стены, скрипучие двери, отсутствие туалетной бумаги вызывали в Лесе немой вопрос: «Что я тут делаю? Что общего между мной и всем этим?» Но ответ был слишком очевиден: общими были последние десять лет жизни, начавшиеся с мечты о диссертации, пригвоздившей ее к академической карьере. Зачем она затеяла эпопею с диссертацией? В молодости казалось, что вся жизнь впереди, дол-

Лана Барсукова

гая-долгая... И можно часть потратить на ерунду, от жизни не убудет.

Бежать надо было раньше — когда были силы и желание что-то делать. Теперь же все схлопнулось до невнятного бормотания о том, что пора все бросить, начать заново. Но это были безобидные речи, рассеянные в воздухе любого НИИ. Реально сняться с места она не могла. Не умела делать ничего другого, кроме как писать так называемые научные тексты. Да и «пенсия по молодости», хоть и небольшая, доставалась относительно легко — ни тебе риска, ни ответственности.

Леся слишком долго дышала искусственным воздухом академического института, чтобы решиться вдохнуть настоящий воздух за его пределами. Поэтому под бурчание на тему «Кому это нужно?» она добросовестно плодила научные статьи, увеличивая вес журнального пресса. Правда, слово «добросовестно» здесь едва ли уместно. Ни добра, ни совести в этом занятии не было.

* * *

Леся подошла как раз вовремя. Начинался научный семинар. На этот раз доклад делал коллега, приглашенный из соседнего института. Леся и сама периодически выступала на других площадках, называя про себя такие коллаборации переливанием из пустого в порожнее. Как будто если бессмысленность перенести на другую площадку, то в ней появится блеск мысли.

Приглашенный профессор был неопределенного возраста и почти неопределенного пола. Он рассказывал про что-то мутное, никому, кроме него, не интересное. Представлял свою новую книгу,

Рябиновые бусы

которая была второй в его личном зачете, что уже претендовало на систему: «Во второй книге я развил мысль, лишь приблизительно высказанную в первой книге». При этом темпераментно всплескивал руками и массировал лоб, обозначая тяготы умственного труда и облегчая течение слов. Хотя слова лились без видимых преград, забавно поскользываясь на окончаниях. У него получался «капитализм», «парламентаризм» с мягким знаком в конце. Леся подумала, что, родился он пораньше, читал бы лекции по «научному коммунизму» и «атеизму».

Докладчик, как из пулемета, расстреливал аудиторию именами авторитетов: «Как говорил тот-то...» или «Мы все помним слова такого-то...» Леся помнила. Когда-то она честно прошла через канонические тексты, усердно перелопатила страницы восходящих звезд научного небосвода. И имела вполне конкретное мнение о них. За редким исключением — невысокое. Она понимала, зачем докладчик так усердно цитирует других авторов: чтобы построить из их имен своеобразный щит, защиту от критики. Чтобы прослыть умным. Чтобы еще раз позвали — все-таки какое-то признание. В конце доклада обычно хлопают, ему будет приятно. Может, кто книгу купит.

Леся сидела и вспоминала, откуда эта фраза: «Читал много, пора думать». То ли Ленин сказал Луначарскому, то ли наоборот. Нет, Луначарский вряд ли посмел бы. Во-первых, интеллигент, во-вторых, политик. Значит, трус в квадрате. Он бы вождю такое не сказал, это факт. А Ленин мог? То же вряд ли. Оно ему надо? Зачем заставлять министра думать? Хотя времена были другие, и ми-

Лана Барсукова

нистры были другие. А может, это из анекдота? «Памяти совсем не стало», — расстроилась Леся.

А еще она размышляла о древних греках, об их мудрости. Все главное они сказали, после них лавочку под названием «общественные науки» можно было закрыть. Точнее, не открывать вовсе. Греки поняли самую суть жизни. У них в подземном царстве Аида, куда уходят души умерших, есть зона для особо злостных мерзавцев — Тартар. И что там? Котлы с кипящей смолой? Черти с раскаленными вилами? Нет, там все чинно и мирно. Там Сизиф катит в гору мраморную глыбу, а та скатывается вниз, к подножию горы. И Сизиф снова толкает камень вверх. А он скатывается. И так без конца. А еще там сестры, отравившие мужей, приговорены носить воду в решете. Вода вытекает, и они снова зачерпывают. Снова и снова. Греки поняли, что высшее наказание для человека — это бессмысленность действий, нескончаемый труд, обреченный на вечную незавершенность, невозможность увидеть плоды своих усилий, перелить свою жизнь в законченную форму, восхититься сделанным. Бессмысленный бег по кругу — вот ад для древних греков. И для Леси.

Между тем доклад завершился. Жидкие хлопки, обозначающие аплодисменты, вырвали Лесю из размышлений о греках. Она подняла руку. Начальник заерзал на своем начальственном стуле, потому что знал: Леся остра на язык и на поступки. За это он ее не любил, притормаживал в карьерном росте и мучился от того, что Леся от этого не страдала.

— Скажите, а зачем вы это написали?

Рябиновые бусы

Шумок в зале носил оттенок симпатии к Лесе. Многие даже проснулись.

— Столкнувшись с этой предметной действительностью, я понял, что обязан написать об этом книгу.

Видимо, столкновение было сильным. Удар не прошел бесследно. Леся все поняла, вежливо поблагодарила за ответ и вышла из аудитории. Начальник облегченно вздохнул.

* * *

Однако тусклое начало дня имело вполне яркое продолжение. Не успела Леся прикрыть за собой дверь, как телефон привычно звякнул, и на экране высветилось «неизвестный». Какое приятное многообещающее слово! И пока в трубке не прорезался голос, можно ощутить терпкую интригу — кто бы это мог быть? Вдруг это из Нобелевского комитета? Или организаторы розыгрыша квартир по магазинному чеку? Но стоит неизвестному представиться, как разочарование накрывает звонкую радость войлочным колпаком: очередной экономный коллега освоил звонки по скайпу, так дешевле. Но это нормально, Леся привыкла, что разочарование идет за надеждой с той же неизбежностью, как выдох за вдохом.

На этот раз разочарования не было. Даже наоборот. Трубка ожила голосом Вики — сумасшедшей, сумасбродной подруги, которая действовала на Лесю как веселящий газ. Эта редкая авантюристка была бесстрашнее камикадзе. Потому что камикадзе проявляют крайнюю смелость один раз в жизни, в самом ее конце, а Вике удавалось делать это с завидной регулярностью. То она сходилась с амери-

Лана Барсукова

канским негром с баклажановым отливом, то сбегала от него через мексиканскую границу с каким-то ветераном движения хиппи. То, устав от кактусовой водки и звуков банджо, возвращалась отдышаться в Россию. Но, как правило, ненадолго. По каким-то тайным каналам она узнавала, что на далеких островах черепахам нужна ее помощь. Как можно отказать черепахам? Правда, потом выяснялось, что до них Вика не добралась. Сосед в самолете так соблазнительно описывал пещеры, где живут летучие мыши, что Вика быстро соглашалась поменять маршрут. Возвращалась в Москву, чтобы отстирать вещи от мышьиного помета, и снова куда-то исчезала. Никогда нельзя было сказать наверняка, откуда она звонит. В социальных сетях она не светила, фотографий не выкладывала, потому что была глубоко равнодушна к чужим оценкам собственной жизни. Она была с миром на «ты», панибратски хлопая по плечу земной шар. Про таких Лесина мама говорила: «Оторви да брось».

Леся ее обожала. Вика была для нее вариантом жизни, который и она могла бы прожить, если бы не отягощенная наследственность в виде папы-профессора и мамы-доцента, усугубленная пагубной тягой к золотым медалям, красным дипломам и диссертациям. Словом, во второй жизни Леся предпочла бы родиться на месте Вики. Но второго раза не будет. Грекам Леся верила больше, чем буддистам.

На этот раз слышно было плохо. Но плохо бывает по-разному. Лесе мешал говорить работающий принтер, а Вику глушил шум прибора. Две музыки — офиса и океана — боролись за внимание подруг.

Рябиновые бусы

Впрочем, боролись недолго, потому что разговор был короткий.

— Лесь, привет! У нас тут вечеринка по случаю намечается. Приезжай! — сказала Вика так буднично, будто речь шла о воскресных шашлыках у нее на даче.

— Куда? Где ты? Как ты? По случаю чего? — утопила Леся подругу в вопросах.

Но подруга тонуть не собиралась. Она быстро разобралась со всеми вопросами:

— Нормально я. Остров тут сказочный. А вечеринка, сказала же, просто по случаю. То есть случайная вечеринка, без повода.

Леся всегда изумляла речь Вики. Она использовала слова как будто неправильно, но если вдуматься, то вполне логично. Как будто отряхивала их от привычного употребления и возвращала им естественное значение. Однажды про законченного мерзавца она сказала, что он «вышел в нелюди». И действительно, если можно выйти в люди, то почему нельзя выйти в нелюди? Вика говорила, как жила — раскованно и свободно.

Подруга посчитала вопрос решенным и начала буднично инструктировать, как добраться до острова, что с собой брать, как сэкономить в дороге и прочие технические вещи. Ну, действительно, о чем еще говорить, если остров сказочный, а вечеринка случайная. Какие могут быть сомнения?

— Викуль, я не знаю. Как-то неожиданно все это... Вряд ли получится. Меня с работы могут не отпустить, — сказала Леся и сама зажмурилась от несуразности и глупости фразы. Там — океан, сказочный остров, а тут — какая-то работа. Которую

Лана Барсукова

и работой-то назвать трудно. Так, трудодни в обмен на пенсию по молодости.

— Кто тебя может не отпустить? Только ты сама. Леська, отпусти себя, очень прошу. Мы с тобой ночью голые купаться будем, как в лагере. Помнишь?

— А мальчишки будут подглядывать? — включилась в игру Лесья.

— Не-е-е. Не обещаю. Тут это не в диковинку, им обрыдло уже. Хотя на новенькую, может, и посмотрят. Ты к своим пятидесяти килограммам сколько кило шарма добавила? — Вика хохотала заливисто и знакомо.

— Во мне полцентнера шарма и обаяния.

— Значит, центнер выходит. Тогда я тебе отдельное бунгало поищу, в моем вдвоем не поместится.

Вика сказала это так просто, как будто и не было на свете стандартов красоты, модных диет, глянцевого журналов и напольных весов, способных испортить настроение или осчастливить малейшим колебанием стрелки вправо или влево. Ей было наплевать на это, как и на многое другое. Волновал только технический вопрос, как разместить дополнительный центнер живого веса.

— Викаль, да ты что? Я же пошутила. Пока держу свои пятьдесят шесть килограмм как последнюю примету молодости. Творог уже из ушей лезет.

— А ты уши затыкай, когда ешь, — совершенно серьезно посоветовала подруга. — Я вот нос затыкаю, когда один местный фрукт ем. Вкуснящий, но вонючий. А в старости будем еще не то затыкать, чтобы поесть спокойно. — Вике не было равных в неデリкатных шутках.

Рябиновые бусы

Леся узнала Вику. Только сейчас узнала окончательно. Вспомнила то состояние полного комфорта, раскованности, бесшабашности, какое испытывала только с Викой. И так захотелось войти в это состояние еще раз, что вразрез с разумными установками она неожиданно для самой себя пообещала:

— Я приеду, Викуль. Спасибо, что позвала. Ты даже не представляешь себе, как вовремя ты это сделала. А то еще немного, и я начну с предметной действительностью сталкиваться. Вместо того чтобы жить.

* * *

Предстоял разговор с начальником. Леся бегло набросала заявление о трехнедельном отпуске за свой счет, указав в качестве причины жгучее желание увидеть сказочный остров. Конечно, она использовала другие, более казенные слова, но смысл от этого не менялся. Подошла к приемной и отбила по двери траурный марш костяшками пальцев. Точнее, отбила по дверному косяку, потому что дверь руководителя, как и положено, была обита дерматином.

— Да-да, войдите. — Начальник удивился приходу Леси.

Впрочем, удивился — неточное выражение. Скорее он удивленно напрягся. Не будучи дураком, понимал, что Леся относится к нему, мягко говоря, не очень почтительно. Нет, прямых конфликтов у них не было. Но Леся не скрывала, что считает любой административный кабинет в институте вариантом подсобного помещения, сродни кладовой, где хранятся швабры. Дело нужное, но к науке не относящееся.

Лана Барсукова

«Главное, — настраивала себя Леся, — не сворачивать». Но знала, что струсит, свернет, если ее начнут совестить, взывать к чувству коллективизма, будить в ней ответственность за судьбу очередного научного отчета, которого не дождутся на самом верху властной вертикали. Хотя Леся была почти уверена, что там их отчеты летят в мусорную корзину прямо в нераспечатанных конвертах.

— Вы бы потрудились объяснить, зачем вам отпуск? Вы же только что вернулись из очередного, предоставленного вам согласно трудовому законодательству. Вы даже не считаете необходимым указать причину такого неожиданного, так сказать, намерения.

— По-моему, я письменно сообщила вам о причине. Вот смотрите, буквально и дословно: «по собственному желанию». У меня может быть желание?

— У вас? У кого-кого, а у вас точно может быть.

— А собственное? Или только по графику, согласно штатному расписанию?

— Кажется, что у вас других желаний, кроме собственных, нет и никогда не было. А другие живут общественными желаниями, — сказал шеф и сконфузился от корявости фразы.

Леся поняла, что сейчас начнут взывать к духу коллективизма. Общественная версия спиритического сеанса, регулярно проводимого в кабинете начальника. Только бы устоять, не поступиться собственным желанием.

И тут она заметила на стене у шефа дизайнерские часы в виде вскрытого черепа: колесики тянули друг друга и двигали стрелки. Это было мо-

Рябиновые бусы

нотонно и увлекательно, тягуче и динамично. Она прилипла глазами к игре шестеренок. А сбоку плыл голос начальника. Он грозил, льстил, ругал, хвалил, обещал. Но игра геометрических форм, как губка, втягивала в себя все эмоции. Леся понимала все, что ей говорили, но спокойно и отстраненно. Потому что боялась пропустить, как серое колесико подхватывает белое и тянет его изо всех сил. Она физически чувствовала напряжение пластмассы, помогала взглядом часовому уродцу. И тогда голос обтекал ее и уплывал в открытую форточку. Как будто Леся была заговоренная.

Нет, смысл начальственной речи она понимала. Что ее всячески порицают, в ней решительно разочарованы, что ей, видимо, напрасно дали почетную грамоту в прошлом году. И теперь уже точно не дадут в следующем. Но благодаря заякоренности на часах начальственные речи не могли проникнуть в Леся, заполнить до краев и пробить брешь в ее обороне. И даже намек на то, что ее книгу снимут с плана издательства, не заставил ее свернуть с намеченного пути.

Из кабинета Леся вышла с подписанным заявлением, повышенной самооценкой и предложением директора подумать, стоит ли им работать вместе. Словом, день прошел с пользой.

Вечером квартира выглядела, как типография газеты «Искра» после обыска царскими ищейками. Леся искала купальник и шляпу. Нашла шлепки и крем для загара с просроченным сроком годности. Ну хоть что-то. К черту купальник, самолет ждать не будет. Леся была в ужасе от своей решимости.

Лана Барсукова

День, начавшийся с мечты о фиге на потолке, закончился в небе. Мечта сбылась. Через иллюминатор пушистые и вульгарно накрашенные закатным багрянцем облака показывали ей самые разнообразные, фантазийные фиги.

* * *

До острова Леся добралась легко. Стыковочные рейсы так гладко подходили друг к другу, что Леся проделала воздушный путь с хорошо сохранившимся оптимизмом. Приятно было и то, что в соседние кресла судьба усадила девушку с признаками анорексии и юношу, робеющего от соседства молодой оптимистки. Девушка проваливалась в щель кресла, а юноша прижимал к себе локти так, что слышался хруст ребер. В таком удачном соседстве Леся угадывала тайное знамение, благосклонность высших сил, награждающих ее за правильный жизненный выбор. Во всем виделся намек на то, что жизнь начинает налаживаться. Вспомнилось, как недавно летала на научный симпозиум, зажата между двумя бойцами сумо. Теперь Леся сидела вольготно, овладев подлокотниками, разувшись и даже раздвинув ноги, как бы примеряя на себя новое чувство свободы и наплевательства к условностям.

До самого острова самолеты не летали. Наверное, боялись утопить его своей массой. Нужно было добираться на лодке. Лодочников было много, как фиг на небе, — на любой вкус. Старые и молодые, худощавые и коренастые, они все изображали радость от встречи с клиентом. Но Леся прилетела не из Северной Кореи, она успела пожить при каком-никаком рынке и знала цену такой ра-

Рябиновые бусы

дости. Спасибо Вике, сориентировала, сколько стоит лодочная радость. Поэтому Леся даже не шелохнулась, когда первые, самые бойкие лодочники с заговорщическим видом, намекающим на эксклюзивную скидку, запросили с нее гонорар, превышающий Викин инструктаж в пять раз. Вторая волна лодочников оспаривала Викину цену лишь вдвое. Леся стояла, как скала. Наконец подошел только один лодочник и точно назвал загаданное число.

Леся была счастлива. Нет, не тем, что сэкономила. Все было гораздо серьезнее. Старший научный сотрудник была глубоко суеверна. Не в том народном смысле, когда пустые ведра или черная кошка портят настроение и удлиняют маршрут. Ее суеверие носило мистически-философский характер. Главная заповедь состояла в том, что свой путь, то есть только тебе предначертанный и только для тебя предназначенный, — это обязательно легкий путь. Легкий не в том смысле, что все сыпется само собой в широко открытый рот и жадно раскинутые руки. Леся знала, что так не бывает. На своем пути может быть, и обязательно будет, много труда, даже каторжного труда. Это нормально. Но свой путь обрамлен везением, удачей, неожиданным благоприятным стечением обстоятельств. Если из-за каждого угла на тебя смотрит непруха, если ты движешься, как бульдозер, расчищающий завалы досадных случайностей и неблагоприятных обстоятельств, то ты идешь куда-то не туда. То есть идешь по дороге, которая не твоя. Везенье — это метки, которыми обрамлен правильный путь человека. Леся жила как антенна, пытающаяся уловить

Лана Барсукова

в шумной какофонии мира сигнальные звуки случайных событий.

Она любила советскую песню, которая назидательно советовала «быть спокойным и упрямым, чтоб порой от жизни получать радости скупые телеграммы». То есть право на радость надо заслужить жизненным упрямством, с этим Леся не спорила. Но радости скупые телеграммы могут все равно не дойти, потому что почтальон способен подхватить случайный грипп или нечаянно сломать ногу, уйти в запой или потерять сумку. Или дойдут с опозданием, когда уже радости от них никакой. Словом, на правильном пути случай должен дуть в твои паруса, а не чинить преграды.

* * *

В таком философском настроении Леся прибыла на остров. Нет, она не ожидала растянутых транспарантов типа «Жители острова в едином порыве приветствуют Лесю!», но полное отсутствие оживления по поводу своего прибытия ее несколько озадачило. Вика встретила ее радостно, но как-то буднично. Самое точное слово — приветливо. Как будто Леся жила в соседнем бунгало последние десять лет и вот заглянула на чай. Визит соседки — не более. Которой, конечно, рады, даже очень рады, но менять планы на день из-за нее не собираются.

Вика покормила ее чем-то вкусным, но явно непраздничным, и предложила на выбор: или остаться дома отсыпаться с дороги, или пойти с ней на работу, там и поболтают. Это недалеко, работы на пару часов — в отеле прибраться, постели поменять, пол помыть, песок смести. А вдвоем так и быстрее

Рябиновые бусы

получится. Леся немного прибалдела: Вика работает? Пол помыть? Она как-то иначе представляла себе их встречу. Нет, конкретного сценария в голове не было, но общие ожидания рисовали картину зашкаливающей радости, объятий, возбужденного визга на пороге, а потом долгого-долгого, уходящего в утренний рассвет исповедального марафона, когда они расскажут друг другу все-все: и чем болит душа, и что удалось, и какая сейчас книжка любимая, и каков был последний мужчина, и чем живут их общие знакомые, да мало ли вопросов, которые можно обсудить только с Викторией.

Ну, в отель так в отель. Леся обескураженно скисла, хотя виду не подала. И Вика сделала вид, что не заметила Лесиного замешательства. По дороге в отель шел обычный бытовой разговор, вроде «поберегись, тут гоняют как сумасшедшие, на чокнутых мотобайках», «лучше по теньку идти, а то тебя солнце на ремни порежет», «в этой лавке ничего не бери, а то с горшка сквозняк сдует». Обычная словесная чепуха, но так умела говорить только Вика — угловато, точно по сути, смачно и неподражаемо.

С каждой минутой Леся проникалась чувством узнавания своей подруги, возвращения в мир их дружбы. И на пороге отеля она уже была абсолютно счастлива, что приехала. И благодарна Вике за то, что у той хватило ума не впустить в их встречу ненужный пафос и сопливый щенячий восторг. Потому что если скакать от радости, садиться за праздничный стол, накрытый белой скатертью, то завтра надо уезжать. По закону жанра. Праздник всегда яркий и короткий. Хозяева ходят при гостях

Лана Барсукова

в нарядной одежде, может, даже в туфлях, а ноги тоскуют по тапочкам, стоптанным, да хоть и дражным. И как только гости уходят, ноги получают вожделенные тапки, праздничная посуда возвращается на дальнюю полку, моется пол и жизнь возвращается в привычное русло. Это закон праздника, закон гостей.

Вика своим приемом дала понять Лесе, что та не гостя, что завтра ей не надо уезжать, что никто не напрягается из-за нее и не тоскует по стоптанным тапкам. Что ей рады, она никого не обременяет и может жить здесь сколько хочет и как хочет. Вика даже не спросила, на какой срок Леся приехала. Это главный вопрос к гостю, который, правда, неудобно задать, не деликатно, но очень хочется. А тут другой случай, человек пожить приехал, сам разберется, что и как. В очередной раз Леся отдала должное своей подруге и подумала, что с годами ничего не меняется, как была Вика ведущей в их дуэте, так и осталась. А Леся ведомая, вместе со своей диссертацией и журнальным прессом собственных статей.

Они работали слаженно и по-бригадному, добровольно распределив обязанности: Леся меняла белье, а Вика зачищала все остальное. Правда, с пододеяльником вышла заминка. Комок одеяла не желал занять отведенное ему место, сколько Леся ни просила его об этом энергичным встряхиванием.

— За уши его держи, — пришла на помощь Вика, как будто они укрощали квадратного монстра.

И действительно, если одеяло сопротивляется, значит, оно живое. А у живого могут быть уши, а никакие не углы. Леся любовалась подругой, ее

Рябиновые бусы

речевой меткостью. А та по ходу дела рассказывала о жизни на острове.

Она говорила ровно то, что было интересно Лесе, как будто отвечала на ее невысказанные вопросы. Работает? Да, повезло, тут работу трудно найти. Нет, деньги — не главное, хотя и не лишние. Чтобы себя в тонусе держать, не распускаться. Русских много? Да, хватает. А вообще, это не армия, здесь землячества не рулят. Тут в стаи по другому принципу сбиваются. Сама поймешь. А вообще, как тут? По-разному. Люди разные, и жизни у них разные. А как иначе? Остров всех под одну гребенку не гребет, по одной мерке не ровняет. Тут разнообразия дальше больше, потому что каждый сам за себя решает, как ему жить. Шаблонов нет, вот и расцветает сто цветов, включая сорную траву. Всем наплевать на тебя, правда, люди все хорошие. Словом, остров пусть и маленький, но вмещает в себя много всего. Поймешь еще. Да не грузись, здесь это не принято.

* * *

Леся так и не вычислила, когда случилась та самая вечеринка, на которую ее звала Вика. Каждый день, точнее, вечер, кто-то заходил в их бунгало или они сами без особых приглашений и церемоний переступали чей-то порог. Иногда собиралась целая компания, жарились креветки, разливалось местное, довольно бесхарактерное пиво и журчали ручейки множества параллельных разговоров. Это была бесконечная стихийная вечеринка, похожая на сериал, который можно начать смотреть с любой серии и бросить в любом месте.

Лана Барсукова

Местные жители в этом не участвовали. Они были дружелюбны, преимущественно бедны и очень заняты собственной жизнью. Приезжие для них представляли ценность исключительно как клиенты, пассажиры, покупатели — не более. Аборигены в свой мир никого не пускали, но и в чужой нос не совали. Хотя Леся пару раз перехватывала их осуждающие взгляды, дескать, шляются по миру странные люди, как будто у них своих островов нет. Но гости имели деньги, поэтому поведение аборигенов было лубочно-дружественным, резко отличным от российской враждебности к приезжим, которые «понаехали».

Леся читала множество околонучных текстов про миролюбие буддизма, про влияние климата на национальный характер и прочую ерунду, обрекающую местное население на космическую гармонию и запредельное радушие, и теперь своим острым умом срезала эти доводы под самый корень. Она прекрасно понимала, что брендируют не только марки одежды и обуви. Брендируют целые страны, регионы, острова. Мощная индустрия создания смыслов на пустом месте присвоила острову бренд «гармония», что гарантировало спрос на мировом рынке туризма. Ведь в мире так не хватает гармонии, стало быть, это можно продать. И вот уже забыто, как относительно недавно воды, к которым так нежно склонились прибрежные пальмы, были красными от пролитой крови в ходе местного политического противостояния. Эту часть истории засунули на чердак, а на витрину выставили модный буддизм и космическую гармонию.

Рябиновые бусы

Среди приезжих преобладали русские. Один тянул за собой другого, пользуясь проверенной и безотказной техникой сарафанного радио. Интернет придавал этому процессу масштабность и размах, соблазняя фотографиями загорелых лиц на фоне игриво льнущих к воде пальм. Социальные сети работали буквально как сети, которыми ловились искатели новых ощущений и все той же брендовой гармонии. Банданы и шорты привлекали тем сильнее, чем слякотнее и холоднее становилось в России. Колония русских росла, как снежный ком. И, как снежный ком, была непрочной, таяла под солнцем, которое начинало согревать российские просторы. Сезонность, временность была самой постоянной характеристикой этого сообщества. В быту сновали фразы: «Если кто уезжает, я плиту себе заберу», «Никому шкаф не нужен? Почти целый. Мы на той неделе отчаливаем».

Иностранцы здесь тоже были, но немного. То ли русская колония забивала ростки интернационализма, то ли иностранцы искали более экстремальные варианты свободы. Может, местная жизнь казалась им слишком цивилизованной и хотелось более рафинированного единения с природой. А те, кто был, быстро переходили на «английский интернациональный», сплющивая язык Шекспира до лексики базаров и жестикующий. Это был тот редкий случай, когда Леся почувствовала, что неплохо говорит по-английски.

Леся пьянило от зыбкости этой жизни. На Большой земле, как здесь называли места исхода, люди вступали в ипотеку и тянули эту лямку со словами

Лана Барсукова

о будущем счастье, заботились о кредитной истории, о послужном списке. А тут жили под тиранией момента, здесь и сейчас. Как бабочки: недолго, но ярко. Леся жадно вслушивалась в истории этих людей и очень быстро распределила приезжих на несколько категорий.

Первая группа — это молодые люди, часто с маленькими детьми, которые, пользуясь случаем, отложили серьезную жизнь на потом. У них пока ничего нет. Они знают, что впереди их ждут корпоративные будни, добропорядочность и размеренность. Их скулы заранее сводит от скуки, но соскочить с этого маршрута им страшно. Они внутренне подписались на него, заранее смирились с его неотвратимостью, но, как дети, оттягивают момент наказания. Остров для них — временная пауза. Обычно крайней точкой, дальше которой тянуть нельзя, выступает поход ребенка в школу. Такие родители стоят на школьной линейке первого сентября, как на траурном митинге.

Леся познакомилась с такой парой — Гошей и Ритой — на одной из вечеринок. На Большой земле Рита сидела в декретном отпуске, а Гоша работал, пока фирма не распалась. На прощание он получил немного денег и обещание позвать его, если что-то наклюнется. Но нынче в России плохой клев. Полученных денег хватало на скромную жизнь в Москве с перспективой бытовых ссор и паникой от затянувшейся безработицы или на относительно обеспеченную жизнь на острове, где от всех проблем их отделял целый океан. Они выбрали второе.

— Не страшно было? — допытывалась Леся.

Рябиновые бусы

Она вообще непрерывно расспрашивала, как бы примеряя ситуацию на себя, прикидывая, смогла бы так или нет.

— Если не сейчас, то когда? Потом уже не дернешься, поздно будет. Последний шанс, можно сказать, использовали, пока ребенок маленький, — объяснил за двоих Гоша. Рита молчала и кивала в знак согласия.

Леся вспомнила, как много лет назад обрезала юбку слишком экстремально и с сомнением крутилась перед зеркалом, а мама ее успокаивала: «Ничего, доченька, когда такое носить, если не сейчас? Потом уже не наденешь».

— А вернетесь куда? Ни квартиры, ни работы...

— Будем решать проблемы по мере их поступления, — спрятался за расхожую формулу Гоша.

Рита молчала, но чувствовалось, что за ее молчанием скрывается зарождающаяся тревога.

Другая порода соотечественников на острове была представлена новыми русскими. Эти накопили много барахла в России — недвижимость, машины, шубы и даже моторные лодки. Нет, не яхты. У кого яхты, тот на других островах обитал, а то и целиком их покупал. Этот остров был для богатей мелкого пошиба, которые на острове чувствовали себя Ротшильдами. Эффект масштаба делал их хвастливыми и болтливými. Ярким представителем второй группы был Марк Ефимович, проктолог из Урюпинска.

— Вам не скучно тут жить? — безобидно спрашивала Леся.

И нарывалась на цветистый ответ:

— Скажу по секрету, что с деньгами нигде не скучно. Каждый вечер выбираю, в какой ресторан

Лана Барсукова

пойти. Здесь рестораны кончатся — на материк буду ездить кофе пить. Деньги от скуки хорошо помогают, — покровительственно делился главным секретом мальчиша-плохиша Марк Ефимович. И подмигивал, что означало: «Можешь со мной на материк сгонять, у меня бабки есть». Но у Леси были предубеждения против проктологов. Предрассудки, можно сказать.

Сначала Леся таких не любила. Потом поняла, что есть и хуже. Веня и Федя были побирušки, профессиональные халявщики. Их отличала особая говорливость, благодаря которой они проникали на все вечеринки, где старались поесть и выпить впрок, а еще лучше унести с собой. Это были настоящие певцы свободы. Никто не проклинал общество потребления с такой страстью, не клеймил корпоративный мир с такой яростью. Леся быстро поняла, что таких не поставить на колени. Как лежали, так и будут лежать на боку. Веня и Федя быстро приобщились к травке, курили такое, от чего их речи становились особенно образными, но какими-то сбивчивыми. Леся называла их кликушами свободы и старалась отвадить от бунгало, где жили они с Викой.

Еще была парочка беглых, которым в России что-то за что-то грозило — по линии экономических преступлений. Они любили шансон, но в остальном были приятными людьми.

Самой интересной для Леси оказалась группа дауншифтеров. Слово нерусское, сколоченное из двух половинок: даун — это вниз, шифт — двигаться. Получается, что это люди, согласившиеся съехать по социальной лестнице и двигаться даль-

Рябиновые бусы

ше на пониженной скорости. Леся желала бы так же — вниз с ветерком и делать только то, что хочется: видеть солнце не через реликтовые рамы институтских окон, а без всяких рамок, стоя на берегу океана; просыпаться по велению плоти, а не по будильнику; одеваться как удобно, а не как подобает научному работнику. Но знала, что никогда не решится на такой вираж. Слишком большую цену она заплатила за то место, на котором стоит. Как-никак старший научный сотрудник. С собственным прессом научных статей. Место не самое респектабельное, но и не на жизненной галерке. Условно последний ряд партера. Видно плохо, зато заходишь в зал вместе с приличными людьми, а не фильтруешься бдительными билетерами как второй сорт, которому указывают на выход.

Лесе очень хотелось узнать этих людей поближе. Она им заранее симпатизировала за их душевную правильность. Как это высоко и красиво — презирать золотого тельца, отказываться от соблазнов потребления! Леся даже готова была, если надо, проявить солидарность. При этом слове в ней просыпались детские воспоминания: как было здорово в едином порыве жечь чучело холодной войны или американской военщины. Гораздо веселее, чем теперь на масленицу поджигать набитое соломой чучело зимы, да еще в окружении ряженных в сарафаны и кокошники. С детства она уяснила, что солидарность — это духоподъемно и совершенно безопасно, ни к каким действиям не обязывает.

Поэтому, когда в их компании появился Серега, Серый, с репутацией отпетого дауншифтера, Ле-

Лана Барсукова

ся подошла к нему с лицом, на котором читалось «но пасаран», ну или хотя бы влюбленность в Че Гевару.

— Говорят, у вас тут самый большой стаж дауншифтера? — не особо тонко подлизалась Леся.

— Я в их штате не состою. И стаж мне не идет. — Серый оказался колючим.

Леся озадачилась:

— То есть вы не дауншифтер? А кто же тогда?

— Знаете, в чем разница между геем и пидором? — вопросом на вопрос ответил Серый.

— Нет, — совсем растерялась Леся. Она поняла, что ее отшили, и довольно беспардонно, но не сдавалась.

— У подруги спросите, — сказал Серый, откровенно тяготясь Лесей. — Если не возражаете, я вас покину. А то еще больше разочарую.

Леся буквально трясло от возмущения. Нет, бывали случаи, когда ею пренебрегали, но тут, при ее полном идеологическом расположении, когда она, можно сказать, с открытой душой, это казалось особенно несправедливым и незаслуженным.

* * *

Вика, конечно же, знала нужный анекдот.

— Мужик идет в сознанку, дескать, я гей. У окружающих вопросы на уточнение: ты стилист? Или шоумен? Или помощник депутата? А он, наивный: нет, я слесарь. Тогда какой же ты гей? Просто пидор, — закончила Вика, утопив концовку в заразительном смехе.

— А смысл в чем? — даже не улыбнулась Леся.

— Еще раз и помедленнее?

Рябиновые бусы

— Нет, анекдот я поняла, но в целом мне не ясно.

— Не ясно что?

— Как геи с дауншифтерами связаны. Ну то есть образно связаны, — пояснила Леся. — Мне ваш Серый этот анекдот на дом задал.

— А, понятно. Лесь, ты на него не обижайся, он жесткий парень, но правильный.

— Вика, твой правильный меня чуть не покусал. И, главное, за что? За то, что дауншифтером назвала? А он, видишь ли, не гей, он пидор. Вот и вся мораль.

— Леся, он мужик. С четкими понятиями. Понимаешь, дауншифтеры — это те, кто объелись жирных, до рвоты. И их для разнообразия на черный хлеб потянуло. Надоело им в своих бизнес-центрах сидеть, от бизнес-ланчей у них изжога. Утомились в пробках стоять в своих крутых авто, двухдверные холодильники едой и бухлом набивать. Они сдают хаты столичные, забирают годовой бонус и бегом под пальмы, новый опыт переживать. Чакры, блин, духовные прочищать. Это все столичная история. А Серега ничего не сдает. Кому нужна его квартира с видом на угольный террикон? И там мать, у которой аппетит выше, чем государственная норма на пенсионеров. Каждый живет, как может. Он тут работает, себя и мать кормит.

— Фрилансер, что ли? Переводится, кстати, как свободный копыеносец.

— Леся, я поняла, что ты много читала. Пора думать, — сказала Вика и не поняла, почему у Леси так округлились глаза. — Кому эти фрилансеры за три-

Лана Барсукова

девять земель нужны? Заказы на связях держатся, сама понимаешь. Я таких знаешь сколько видела? Приезжают фрилансерами, а уезжают обкуреными психами. Они думают, что по интернету можно заказы получать. Ну и, самое главное, деньги на карточку. А можно получить сообщение: «Пошел ты, фрилансер, куда подальше! Неси свое свободное копые куда хочешь». Нет, Серый здесь и сейчас работу ищет.

— Отели убирает? Ну, конечно. Что ж он на шахту не пошел? Песок выметать по-любому приятнее, чем угольную пыль у себя дома глотать? Правильные понятия у твоего Серого, согласна, — сказала Леся с театральным сарказмом.

— Не злись. Я не хочу его историю обсуждать. Может, и отели. А может, и нет. А хотя бы и отели. Лесь, вот смотри, я отели убираю, а ты статьи пишешь. А от кого пользы больше?

— Ну, давай еще ты меня покусай. Все, капитулирую, — сказала Леся, поднимая руки вверх.

Она знала, что иногда важно вовремя закончить разговор. Со своими статьями она сама разберется. К тому же эти статьи ей достались вместо мужа и детей, стало быть, ближайшие родственники. Не будет она их обсуждать, даже с Викой.

* * *

Леся с удивлением отмечала, что прожила на острове всего неделю. Здесь было какое-то длинное-длинное время, объемное, вмещающее в себя столько всего, что Лесе хватило бы на год ее прежней жизни. Прошла только неделя, а есть нелюбимые Федя и Веня, регулярно подмигивающий Марк

Рябиновые бусы

Ефимович, радостные инфантилы Гоша и Рита. И Серый. Леся думала о нем все чаще.

Думала не просто, а усиленно. Можно сказать, интенсивно думала. Потому что в рамках своей доморощенной философии верила, что мысли материальны. Старалась притянуть мыслями этого грубияна. Зачем? Чтобы взять реванш? Или помириться?

Но его не было. Леся с каждым днем все больше увязала в снах наяву, разыгрывая сценки с его участием. Вот идет она, такая вся из себя, на базар, а тут Серый навстречу. А она ему так небрежно, дескать, думала, что он уехал уже. Типа появился, не запылится. Хотя нет, эта фраза какая-то простоватая. Лучше она будет молчать с оттенком недосказанности. А он неудачно так подхватывает ее сумки, и они стучаются лбами, он от смущения чуть сознание не теряет. Или, еще лучше, сидит она одна дома, а тут Федя обкурился совсем и к ней ломится, и Вика бежит за подмогой к Серому, и тот приходит и выкидывает Федю в окно. И она его благодарит, а он смущается, и они стучаются лбами. Или она с Марком Ефимовичем сидит в ресторане, подходит официант и оказывается Серым. И она как-то красиво и душевно, с особой элегантностью уходит от проктолога к официанту.

В этих грезах Леся была остроумнее Жванецкого, каждое слово — золото. И мизансцены, как у Тарковского, длинные и тягучие. Но наяву вышло, как всегда, куда бездарнее. И даже позорнее.

Федя с Веней опять пришли в гости, переполненные новым анекдотом. Дескать, поделиться

Лана Барсукова

крайне захотелось. А заодно поесть и попить. Вика проявила чуждую ей мягкотелость и не оказала достойного сопротивления. Леся фыркнула и, выйдя на улицу, позволила Марку Ефимовичу увести себя в ресторан. Официант там был самый обыкновенный, вечер скучный, еда дешевая. Подмигивания проктолога явно тянули на большее. И тут обман. Сначала Серый ее обманул, теперь вот этот. Да, она женщина, обманутая Серым. Леся стремительно пьянела, и обвинения в обмане давались ей легко и непринужденно, не нуждаясь в грубой фактологической основе.

Домой Леся добралась, повиснув на руке Марка Ефимовича, с глазами, полными пьяных слез. Кавалер, явно обалдевший, искал повода ретироваться. Он уже не подмигивал, а испуганно хлопал обоими глазами. Не переступая порог, свалил Лесю на руки подруги и растворился в морском бризе.

Вика радостно удивилась. В их планах было напиться, но, во-первых, вместе, во-вторых, чуть позже, на прощание. А тут такая неожиданность.

— Помоги, — сказала она кому-то.

— Опаньки!.. — Этот кто-то присвистнул и подхватил Лесю, все ее пятьдесят шесть килограммов вместе с шармом и обаянием, раскисшими от алкоголя.

Леся узнала Серого. И громко икнула от переполнявших ее чувств.

* * *

Над ней кружили «вертолетики», точнее, это она кружилась в одном из них. Еще в студенчестве ей объяснили, что «вертолетики» — это такое состояние выпившего человека, когда он лежит не-

Рябиновые бусы

подвижно, а потолок над ним медленно вращается. Лучше встать. Но тогда начинает кружиться пол. Леся попробовала и то и другое и застонала от безысходности. Остается ждать, когда какие-то особые ферменты расщепят алкоголь. У кавказских народов этого фермента много, поэтому они пьют много и радостно. У чукчей мало, поэтому они пьют радостно, но мало. А у Леси прямо патология какая-то, ферментная недостаточность: стоит чуть-чуть выпить — и пьянеет совсем неприлично, и потом мучится.

— Как мне плохо!.. — нараспев поделилась она с пустотой.

Пустота, как и положено, промолчала в ответ. Все ясно. Значит, Вика ушла в отель выполнять общественно полезную работу, выметать песок из душевых кабин. А у нее ни работы, ни ферментов. Ничего-то у нее нет. И Серого нет. Ничего и никого.

Свалил ее, как куль картошки, на кровать и убежал догонять Марка Ефимовича. И это после всего, что между ними было, после таких трогательных столкновений лбами, смущенных оправданий за неловкость. Леся понимала, что обманывает саму себя, что эти лобовые столкновения были только в ее вымыслах, но для полноты страданий эту подробность нужно было опустить. И так хотелось верить, что свалил на кровать и убежал. Как было бы хорошо, чтобы свалил и убежал! Бросил, беззащитную и слабую, и она теперь полна страданий и обоснованных претензий.

Но противная память не давала полностью погрузиться в эту красивую печаль. Всплывали фрагменты: как Серый поддерживал ее над унитазом,

Лана Барсукова

гладил по лопаткам, когда она заходила в рвотных спазмах, мучительных и бесплодных. Как снимал с нее босоножки. Как командовал Викою, чтобы та убрала коврики с пола, чтобы потом не стирать. Вспоминать это было так мучительно стыдно, что душа лечилась обидами: свалил и убежал. А разум все портил: не сваливал он, возился с ней, видел ее в обнимку с унитазом.

Да что же это такое, сколько можно терпеть неприятности от этого Серого! Даже в гости он умудрился зайти в самый неподходящий вечер ее жизни. Она его ждала, прямо как в хороших песнях, а он коварно подкараулил момент ее падения. Значит, все зря, и остров не вернул ее на тропу удачи и везения. В полном соответствии со своей доморощенной философией Леся почувствовала, что опять зашла в тупик, опять потеряла свой путь и ушла в дебри невезенья. Тогда зачем все? Сейчас соберет вещи и уедет. Уедет в никуда, в ночь, в тайфун. А Вика и Серый останутся в недоумении и сожалении, и даже с чувством вины, что не уберегли дивный миг Лесиного присутствия на острове. Так им и надо, пусть страдают! Не все же Лесе мучиться. Мстительные слезы застилали глаза и замедляли движение «вертолетика».

А потом «вертолетик» вошел в пике, потому что Леся резко подскочила на кровати. И было отчего: в бунгало, пригнув голову, вошел Серый. Вообще-то дверной проем позволял Серому войти, даже привстав на цыпочки. Но он сделал вид, что боится зацепиться головой. «Это чтобы на меня не смотреть? Противно?» Но где-то из глубины души прорывалось на поверхность ликование: «Да он

Рябиновые бусы

смущается. Ему тоже неловко». А раз так, то они уравнины, можно выдохнуть.

— Ты как? Ничего? Легче? — Многословность выдавала, что Серый смущен.

— Да, уже почти нормально. Спасибо тебе. И извини, конечно, что так вышло. Вообще-то я не пью, потому что пьянею быстро.

— Ничего. Бывает. Я одно время в вытрезвителе работал, всякого насмотрелся.

— В вытрезвителе?

— Ну да. Мне жить негде было, а там ночевать разрешали на свободной койке. Я тогда пьяных возненавидел как прямых конкурентов на жилплощадь. — Серый уже освоился и даже начал шутить.

— А почему жить негде было?

— А тебе зачем?

— Что зачем?

— Знать зачем?

— Просто так. Ты же сам начал.

— Глупо начал, — поставил точку Серый.

Посидели молча. Леся не решалась предложить тему для разговора. У нее было такое чувство, что можно и по морде получить, если не угадаешь. Да, суровый кавалер. Но даже от сурового она не ожидала такого вопроса:

— А почему у тебя имя такое собачье — Леся?

«Ну, знаешь, это слишком», — сказала бы она другому. Любому другому, но не Серому. С ним, как в армии: спрашивает — отвечаешь. Да и не обидно как-то спросил. Ведь важно, не что, а как спрашивают. У него «собачье» выходило такое, что представлялись красивые стройные псы, а не шавки, тор-

Лана Барсукова

чашие из помоек или сумок на светских приемах. Да и сам он — Серый, самое что ни на есть собачье прозвище.

— На самом деле по паспорту я Олеся. Отец Куприна любил. А может, Чурсину или Марину Влади... — сказала она и осеклась.

Вот сейчас она свое получит. Не надо умничать. Откуда Серому знать про повесть Куприна? Про фильм, в котором дикарку Людмила Чурсина играла? Про ее взгляд с экрана, от которого советские мужики впадали в задумчивость и неделю на жен смотреть не могли? Про французский фильм «Колдунья», с которого Высоцкий поплыл? Про то, как плакать хотелось, когда Олеся уходила, оставив рябиновые бусы на ветке дерева. Это же целый культурный пласт!

— Да, понимаю отца твоего. Я сам после фильма рябиновые бусы мастерил. Сушил ягоды сначала. И незрелые, и зрелые перепробовал. Но только они фиговые получались, отваливались с нитки. Куприн своими руками эти бусы точно не делал.

— А должен был? Вымысел не есть обман... — напела Леся любимого барда и опять воображаемо надавала себе по губам за несдержанность.

— Вообще-то Окуджава не прав. — Серый говорил спокойно, но в уголках глаз мелькало что-то дразнящее: «Ну, съела?» — Вот если бы он написал «вдоль Смоленской дороги холмы, холмы, холмы»? А ты бы потом проехала по той дороге — и нету холмов. Всю песню бы обгадил. Вообще он романтик был, «комиссары в пыльных шлемах», «на той единственной Гражданской...» Красиво, сил нет! Только его папашу расстреляли эти са-

Рябиновые бусы

мые комиссары. И мать репрессировали, восемнадцать лет лагерей.

— Откуда знаешь?

— В домике его в Переделкино документы есть, экскурсовод опять же. И стихи читают. Душевно, приятно, нравится. А потом проходишь сто метров в домик Пастернака — и там тоже стихи. И герань на окне. И понимаешь, кто из них поэт, а кто просто стихи писал.

— Но поэзия разной бывает, — примирительно закруглила Леся.

— Нет, — не пошел на примирение Серый. — Поэзия просто бывает. Или не бывает. Знал я таких: «У меня само льется, я только записываю». Когда у человека из носа льется, он платком пользуется. И не тычет потом этот платок всем в морду. Сдерживаться надо, когда из тебя льется. Или отходить подальше. Вообще дерьмо это все: «поэзия разной бывает», «люди все разные», «каждый вправе творить». Это от скудоумия. Раньше право голоса получали единицы и знали цену этому праву. Вот Джордано Бруно высказался и волдырями на костре изошел. А теперь каждый имеет право нести любую хрень, хоть книжку написать, хоть стишки навалить, хоть блог вести. Вот и придумана формула для легковерных дураков: все разное, все по-своему интересное.

— А кто решит, где настоящее? Кто судить должен?

— Время. Только оно. Вот ты статьи пишешь, на какое время рассчитываешь? Сколько лет их будут читать?

Ага, стало быть, сдала ее Вика. Ну и ладно, ничего в этом позорного нет. Статьи как статьи. Разго-

Лана Барсукова

вор захватил Лесю настолько, что она моментально простила Вику и ринулась в бой.

— Сереж, чтобы их читали, недостаточно писать хорошо. Надо, чтобы кто-то думал, что он должен их прочитать. Чтобы этих «кто-то» было много. Чтобы было социальное давление: это ты должен почитать. Чтобы на лицах было написано: «Как? Ты это не читал? О чем с тобой можно говорить после этого?» Вся общественная наука построена по принципу интеллектуального МММ, пирамида, по сути. Чем выше твой уровень, тем больше людей купили твои интеллектуальные акции. И они умрут, доказывая всем, что ты гений. А если не докажут, то сами банкротами станут. Все, как в МММ. Тому, кто уже вкупился в это дело, нужно, чтобы под ним как можно больше людей купили те же билетки, начали повторять те же слова, цитировать те же статьи. И одно дело, если под тобой армия студентов, или аспирантов, или сотрудников твоего института. Тогда твою статью изучат, посмеются над ней, но на цитаты разберут. И другое дело, если ты внизу. Это везде так. Вот представь, что в школе начали бы изучать Баратынского вместо, например, Лермонтова. Ну, выкинул бы Лермонтова из программы какой-нибудь чиновник. Просто потому что у него дочь от какого-то Михаила Юрьевича аборт сделала, от имени осадок остался. И все. Через пару поколений дети перестанут спрашивать: «Скажика, дядя, ведь не даром?» Так что время твое, Сережа, — судья с пристрастием.

— Знаешь, Олеся, — задумчиво сказал Сергей, — ты не спорь со мной, потому что я прав.

Он как будто нечаянно, занятый предметом спора, перешел на ее полное имя. Но бы-

Рябиновые бусы

ла в этой нечаянности какая-то утрированная небрежность, прикрытая шуткой о своей безусловной правоте. И Леся поняла, что это не просто так, не от рассеянности, что это благодарность за «Сережу».

— Булгакова в советской школе не изучали. И что? От плаща с кровавым подбоем всю страну повело. А те же рябиновые бусы Куприна? Это же очуметь! Ну ты что? Где чиновник и где рябиновые бусы? Ну, вспомни. До сих пор картинка перед глазами: рябиновые бусы на ветке висят. Это же какая-то высшая мера любви! А ты говоришь...

— Ладно. Пусть так. Об искусстве судить сложно, тут чиновник действительно не всем рулит. Но в науке?.. Казалось бы, Ньютон — великий физик, закон всемирного тяготения и прочая красота. А ведь не он это открыл. Был такой мужик, абсолютный гений, Роберт Гук. А Ньютон позаимствовал от него идею, быстренько все оформил и получил себе место в истории. Он не только открытие себе забрал, но и, став главой Королевского общества, приказал уничтожить все бумаги и портреты Гука. Гук — единственный в истории член Королевского общества, портреты которого не сохранились. И все человечество благодарит Ньютона и знать не знает про Гука. Так что власть или, как сейчас говорят, административный капитал легко конвертируется в научную доблесть. Разве я не права?

— Нет, ты не права. Человечество не Ньютона славит, а человека, открывшего закон всемирного тяготения. А как уж его звали — Ньютон ли, Гук ли, — это вообще вопрос для человечества неинтересный. Это касалось только тех двух людей, их тщеславия, их амбиций. Они умерли, и все. Тема

Лана Барсукова

закрыта. Важно только то, что было сделано. И не важно кем.

Сергей замолчал, но Леся почувствовала, что он не закончил. Просто подбирает слова.

— Я понял, в чем твоя проблема, Олеся, — вдруг без предупреждения он свернул с Ньютона на нее. — Ты знаешь себе цену в науке и страдаешь, что эту цену тебе не дают. А дают другим, которые хуже тебя, глупее, банальнее. Как на базаре.

— А Вика, оказывается, любит давать интервью. — Усмехнулась Леся.

— На Вику не грехи. Есть такой парень, который все про всех знает. Его зовут Гугл. Вика только наводку дала. В интернете много твоих работ, я почитал, что-то даже понял. Ты умная и резкая. У тебя яростный счет к жизни. Жаждешь, чтобы дуракам указали на их место, а тебя бы, совершенно заслуженно, перевели в первый эшелон. А наука, как я понимаю, устроена не как пирамида. Ты тут не права. Наука — это грибница. Земля пронизана нитями грибницы, и никто не знает, где на поверхность выскочит гриб. Но это заслуга не гриба, а всей подземной системы. Ты не хочешь быть частью грибницы, тебе надо непременно выскочить на поверхность, на всеобщее обозрение, на крепкой ножке, в симпатичной шляпке. И неприятно, что выскакивают другие, которых ты невысоко ценишь. Тут одно из двух: или смирись, будь невзрачной частью грибницы, или уходи. Но только помни, что грибы — это фуфло, корм для червей, вся суть в грибнице.

— Тебе прямо тренинг вести «Как стать незаметным и счастливым». Как у тебя все просто и правильно, завидки берут. Звания — фуфло, деньги —

Рябиновые бусы

фуфло, престиж — тем более. А что ценно? Ага, быть частью грибницы, сидеть под землей и радоваться, что где-то вылупился новый гриб. И нет разницы, где ты в этой жизни. — Леся язвила и сама понимала, что как-то неудачно, плоско и неостроумно.

— Нет, разница есть. Смотря какие грибы лезут. Если белый гриб, молчи и корпи на общее благо. Если поганки, беги оттуда. Рви по живому. Вот и все. Выбор человек делает, когда в голове все просто: или — или. А если начинает тасовать колоду — с одной стороны, с другой стороны... — то все в треп уходит.

— И опять мимо. Не всегда можно «или — или». Те же грибы не делятся на съедобные и ядовитые.

— То есть?

— Сережа, грибы на три вида делятся: съедобные, ядовитые и несъедобные. Есть грибы, от которых не отравишься, но есть их нельзя. Например, желчный гриб, он один целую сковородку портит, гадостной еду делает.

— Значит, отнеси его к ядовитым. И все. Не надо прятаться за сложностью. Чем сложнее схема, тем больше соблазн обойтись без выбора.

— А ты? Ты выбирал?

— Мне легче было, выбирать не пришлось. Когда нет выбора, жить легко, — засмеялся Серый.

Засмеялся как-то окончательно, давая понять, что лимит откровенности на сегодня исчерпан. И так много сказал неожиданно для самого себя. Леся благодарно сжала его руку. Пальцы были теплые и твердые, надежные. «Вертолетик» унялся, пошел на снижение и благополучно приземлился, как будто его пилот слушался команд Сергея. Леся

Лана Барсукова

облегченно засыпала под ритмичное похлопывание Сергея по ее плечу через натянутое до подбора покрывало.

А когда проснулась, была ночь. В свете луны различался профиль Сергея. Он не ушел, смотрел на океан так сосредоточенно, как будто впервые его видел. Леся потянулась к нему благодарно и доверчиво. И он бросил луну, бросил океан. Ради Леси.

* * *

Вика тактично переночевала у Риты, чему та была искренне рада. Рита тосковала без Гоши, который улетел на поиски нового гнезда, новой точки в их кочевом маршруте. Молодые люди посчитали, что засиделись на одном месте, и чудная возможность бесконечного путешествия становится все призрачнее: ребенок растет, скоро вынуждены будут бросить якорь. А как же «бороздить просторы»? Когда еще случится радостно попеть «мы едем, едем, едем в далекие края»? Словом, жажда к перемене мест требовала утоления. И действительно, если просто жить на одном месте, то почему на этом острове, а не дома? Ну океан, ну тепло... Но дома тоже есть свои плюсы. Родители, друзья, работа, в конце концов. И если начинать сравнивать, то можно впасть в глубокую задумчивость и даже поставить под сомнение весь этот проект. Но если непрерывно переезжать с места на место, с одного острова на другой, пересекать границы и проливы, кружиться в гуле вокзалов и портов, обживаться в гостиницах, в съемных квартирах, в бунгало, радоваться, что багаж не подмок, а на новом месте чистая плита, что таксисты здесь берут меньше, а продукты дешевле, что